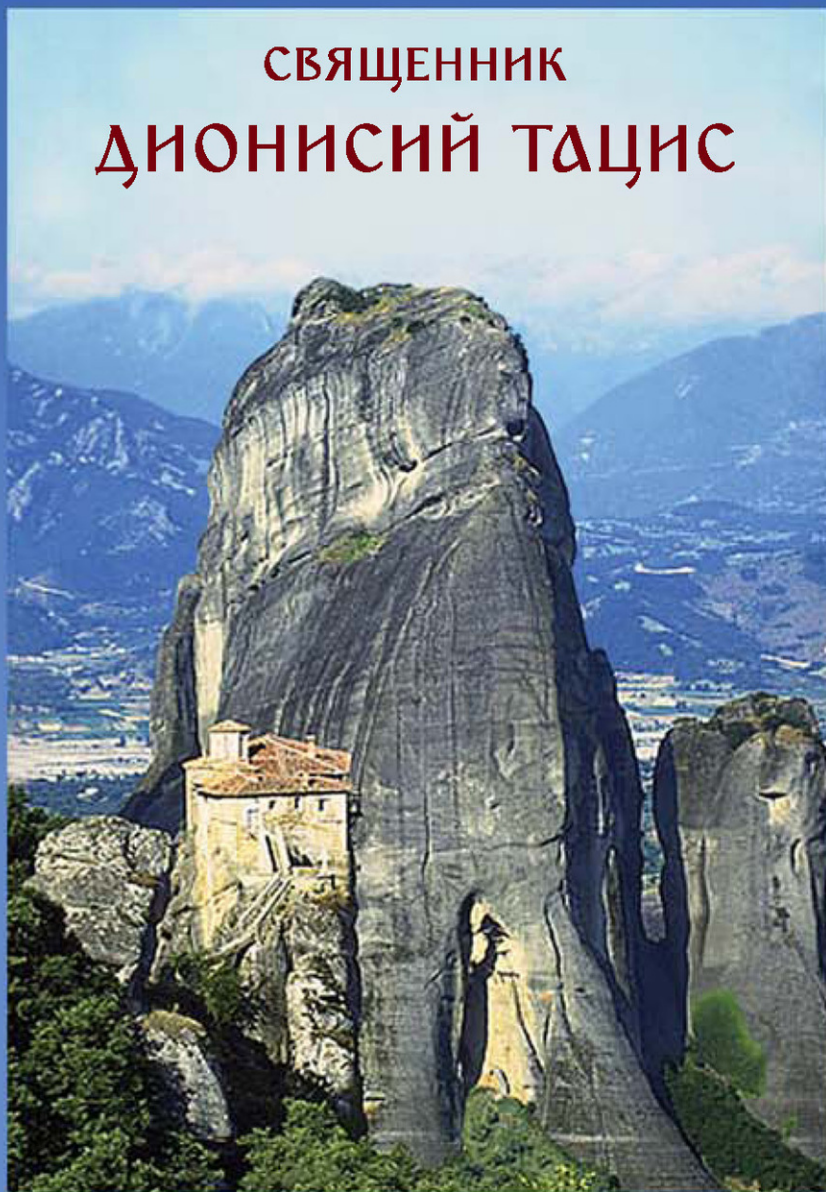

СВЯЩЕННИК
ДИОНИСИЙ ТАЦИС

ПАЛОМНИЧЕСТВО
В
МОНАСТЫРЬ

священник Дионисий Тацис

Паломничество в монастырь

«Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви»

1998

УДК 27-57
ББК 86.372

Тацис с.

Паломничество в монастырь / с. Тацис — «Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви», 1998

ISBN 978-5-7789-0233-6

Священник Дионисий Тацис – автор книг о приснопамятном великом старце Паисии Святогорце и его близкое духовное чадо – открывает нам сегодня нового духоносного и Богом просвещенного старца, который делится с благочестивым читателем своими мыслями о самом главном – как спастись в современном мире.

УДК 27-57

ББК 86.372

ISBN 978-5-7789-0233-6

© Тацис с., 1998
© Московское Троицкое Подворье
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Русской Православной Церкви, 1998

Содержание

К читателю	6
В тихой обители	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Священник Дионисий Тацис

Паломничество в монастырь

© Никифорова А. Ю., перевод на русский язык, 2009

© Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2009

* * *

К читателю

Книгам священника Дионисия Тациса мы обязаны очень многим, именно они открыли миру великого старца Паисия Святогорца, имя которого вызывает сегодня благоговение и любовь в сердцах многих и многих верующих в самых разных уголках нашей планеты. Отец Дионисий был не только одним из ближайших духовных чад и учеников старца Паисия, их связывало нечто большее, некое неуловимое духовное сродство и общая родина – благословенное Богом скромное греческое селение Коница.

Когда в 1958 году старец Паисий вернулся туда со Святой Горы Афон, чтобы восстановить монастырь Стомион, будущий отец Дионисий был совсем еще юным, и его духовное становление шло под руководством старца Паисия. Следующие 36 лет, до самой кончины благодатного старца Паисия в 1994 году, отец Дионисий часто бывал у него и поддерживал с ним переписку и самую тесную духовную связь. Из книг, написанных отцом Дионисием о старце Паисии, русскому читателю известны «Архондарик под открытым небом», «Когда чужая боль становится своей» и «Подвижник Панагуды: Воспоминания о старце Паисии».

После кончины старца Паисия отец Дионисий создал другую замечательную книгу – антологию изречений последних подвижников Греции, своеобразный «Греческий патерик, изложенный по главам». В 1996 году она вышла под названием «Поучения старцев», а вскоре увидело свет и ее продолжение – книга «Изречения подвижников Греции».

Сегодня священник Дионисий Тацис приглашает нас совершить вместе с ним паломничество в затерявшийся в горах Греции скромный монастырь и открыть для себя нового благодатного и духоносного старца, послушать его отечески мудрые речи. Пятнадцать дней пребывания писателя-священника в монастыре описаны им в пятнадцати главах настоящей книги. Вникнем же в слова опытного и просвещенного старца-подвижника и напитаем свои души хлебом Божественной мудрости и медом духовной сладости. А когда придет время, мы узнаем и имя богомудрого старца.

Издатели

В тихой обители

Поднимаюсь к монастырю Богородицы. Мне предстоит час пути по ущелью вдоль реки. Я иду, и душа моя успокаивается, а духовная жажда растет. Вот в глубине показалась обитель с побеленными стенами и черепичной крышей, и в сердце моем загорается огонь. Мне рассказывали, что в монастыре подвизается богоносный Старец, многоопытный и ученый наставник, утешитель душ. За спиной словно вырастают крылья: мне впервые предстоит увидеть его. Уповаю на то, что не разочаруюсь и подтвердится все ранее слышанное мной.

Я собираюсь пробыть в монастыре несколько дней и записать душеполезные слова Старца. В моем рюкзаке лежат блокнот, карандаш и список вопросов для обсуждения. Обычно в подобные поездки я не беру с собой еду и лишние вещи. В последнее время оставляю дома даже фотоаппарат, поскольку считаю его бесполезным: он запечатлевает лишь видимость, но не сущность личности.

Не чувствуя усталости, я добираюсь до монастыря, снимаю рюкзак и ставлю его на скамейку у входа. Наслаждаюсь царящим вокруг безмолвием. Славлю Бога за еще одну сбывшуюся мечту.

Шумный ветерок вмиг сдувает капли пота со лба и возвращает мне силы. Вот оно, первое «благословение» этого святого места.

Видимо, монастырь основан веке в восемнадцатом. На одном из камней замечаю надпись с датой: «1742 год». Несмотря на мою слабость к истории священных обителей, сейчас не буду останавливаться на этом, я заранее решил ограничиться одним: только записать духовные беседы со Старцем. Итак, не разглядывая постройки, осеменяю себя крестным знамением и вхожу в монастырь.

В глубине двора, там, где заканчивается келейный корпус, вижу Старца, сидящего на камне и устремившего свой взор долу. Мои шаги нарушают его покой. Он поднимает голову, смотрит на меня, затем встает, и мы лобызаем друг друга. После оба садимся.

Для знакомства многих слов не требуется. Старец читал одну из моих книг. Это вдохновляет его на беседу. Кроме того, ему известно о моей расположенности к монахам, а также о том, что я – частый гость на Святой Горе. Лед между нами мгновенно тает, и появляется доверительность, которая, думаю, будет способствовать осуществлению моих планов. Меня радует, что Старец не только опытен духовно, но и хорошо осведомлен о том, что сейчас происходит в Церкви и жизни современных христиан.

Делюсь с ним целью своего визита. Он заверяет меня в том, что со своей стороны поможет чем сможет, и предлагает вести беседы свободно, без всяких «предварительно подготовленных схем» – обсуждать любые вопросы, приходящие в голову. Старец просит меня в моем дневнике не приукрашивать его слов и не составлять из них «литературного произведения», но сохранить текст в простоте, которая принесет духовную пользу братьям во Христе. Я даю обещание не

редактировать его слог, записывая все со смирением, не выдумывая специальную композицию, не подбирая изысканных выражений.

По земле вдоль камня, на котором сидит Старец, снуют сотни муравьев. Они облюбовали себе здесь дорожку, тут пролегает их маршрут. Поскольку знакомство уже состоялось, можно переходить к делу, и я прошу Старца прокомментировать трудолюбие этих крошек. Еще мне хочется узнать, как мы должны относиться к животным, ко всей природе, которая есть творение Божие. Старец играет с муравьишкой, взобравшимся на рясу, и не спеша отвечает на мой вопрос:

– Человек, имеющий дар сердечный, человек, в котором живо тайное делание, открывает в себе утонченную любовь не только к ближним, но и к животным и растениям. Для него становится невозможным причинить вред творению Божию, тем более уничтожить его.

– Однако, Геронда¹, мы видим, что и люди, никак не связанные с Церковью и не имеющие ни малейшего представления о духовной жизни, проявляют любовь к природе и встают на ее защиту. Не могли бы вы сказать, какая разница между этими двумя категориями людей?

Старец улыбается моему вопросу, потому что, похоже, ему приходилось сталкиваться со многими «любителями природы» и экологами. Он спокойно продолжает:

– Как видишь, наш монастырь был основан в чудном, привлекательном месте. Поэтому сюда стекается немало «любителей природы». Мы их привечаем, но зачастую бывает трудно мириться с их наклонностями. Их служение природе лишено смысла, в то время как мы относимся к природе духовно. Думаю, ты понимаешь, что я имею в виду, отче.

– Именно поэтому я и задал вам свой вопрос, Геронда. Покажите нам, в чем заключается этот духовный подход, ибо думаю, что он не так уж прост.

– Напомню тебе о Святой Горе, которую ты любишь. Люблю ее, естественно, и я. Святой Силуан Святгорец сопереживал всякому животному и всякой твари. Его любовь к растениям характеризует случай, описанный архимандритом Софронием, составившим его жизнеописание². «Однажды, – пишет отец Софроний, – направлялись со святым Силуаном из Свято-Пантелеимонова монастыря в свою каливу³. Расстояние – около километра. Мы шли, опираясь на посохи. По обеим сторонам тропы росли дикie высокие травы. В какой-то момент я ударил посохом по растению, чтобы сбить зреющие семена. Я боялся, как бы из-за них не заросла тропа. Святой Силуан заметил это. Мой поступок показался ему жестоким, и он понурил голову. Так же он относился к срыванию листьев. Он говорил, что когда ты без нужды рвешь листья, то это, конечно, не грех, но вызывает жалость, ибо сердце, наученное любить, печалится о каждом творении Божиим».

– Геронда, меня, конечно, тронула любовь святого Силуана к природе. Но ведь мы, христиане, живущие в миру, не можем достичь такой духовной высоты. Мы не умеем любить даже друг друга. Наше сердце черство, быть может, потому, что это сердце людей, которые не применяют Евангелие к своей жизни.

– Ты прав, отче. Мне известны христиане, которых не трогает боль братьев. Они сдержанны во всем. Их любовь ограничивается корректным «сочувствием» и «визитами вежливости». Но мне не хотелось бы разрушать ту духовную атмосферу, которую создал святой Силуан. Давай продолжим. Святые не особенно умиляются красотами зримого мира. Их ум обращен в сердце и занят непрестанной молитвой. Однако в часы отдыха они устремляют свой взор на красоты природы и восторгаются величием творения. Через него они созерцают Божественную славу и обращают сердца к Богу, поясняет архимандрит Софроний.

¹ Геронда – почтительное обращение к старцу в Греции. – *Перев.*

² Речь идет о книге: *Иером. Софроний (Сахаров)*. Преподобный Силуан Афонский. Эссекс, Англия, 1990 – или позднейших изданиях.

³ Калива – маленькое жилище отшельника. См. примеч. 4.

– Думаю, это правило для всех христиан, – нерешительно поддерживаю я Старца, – восхищаться красотами природы и восходить ко Творцу. Я читал книгу архимандрита Софрония и прекрасно помню, как святой Силуан говорил: когда радость о Боге жива в человеке, он чувствует, что мир прекрасен, и его душа от созерцания зримого мира приходит в состояние «ощущения Бога живого и дивного во всем».

– Давай сделаем еще один шаг вперед. Любовь человека духовного проявляется и в отношении к животным. Я припоминаю одного почтенного святогорского старца, который при виде муравьишки, бегущего по его рясе, прерывал беседу, брал его на руку и выносил во двор каливы со словами: «Слава Тебе, Боже». Непременные условия такой любви – чистота и духовное бодрствование. Человек Божий незлобив. Он не желает зла никому, даже животным. Вы не представляете, отче, какую тревогу я испытываю, когда иду и вижу перед собой копошащихся букашек: переживаю, как бы на них не наступить. Меня научил один святой монах. Когда путь ему преграждала вереница муравьев, он тут же останавливался, опускался на колени и наблюдал за непрекращающимся движением. Он дивился муравьиной череде и плакал от испытываемого при ее виде волнения. Это был человек Божий. Он же, заслышав, как шуршит в сухих летних травах едва-едва ползущая черепаха, умолкал, чтобы не напугать ее. Он радовался встрече и дивился этому несущему свой дом и не знающему забот животному, возраст которого достигает, как известно, ста пятидесяти – двухсот лет.

Старец, встревожась, поднимается со своего места и уходит в кухню. Вскоре он возвращается с подносом и предлагает мне кофе и лукум со словами:

– Прости меня, брат, что до сих пор не угостил тебя. Я увлекся разговором и позабыл об этом, видя твой живой интерес к беседе.

– В самом деле, Геронда, меня тронули ваши слова. Мне вспомнился случай. Несколько лет тому назад я побывал в одном маленьком монастыре. Выходя из него, у основания стены я заметил змею. Она грелась на осеннем солнышке. Чуть заслышав мои шаги, она медленно поползла вдоль ограды. Я молча глядел на нее. На ее спине выделялась ломаная линия со всякими узорами. Первый раз в жизни на таком близком расстоянии мне пришлось столкнуться с живой змеей. Однако я не испытал ни малейшего испуга, а, наоборот, ощутил необыкновенную радость. Я даже жалел ее, зная, что вот еще несколько дней, и она впадет в зимнюю спячку.

– Да, тема наша широка. Можно привести много примеров из жизнеописаний святых, потому что они любили диких зверей. И дикие звери отвечали им взаимностью, становились ручными и выполняли повеления подвижников. Вероятно, в другой день мы вернемся к этой беседе. Думаю, что из всего, о чем мы говорили сегодня, можно сделать такой вывод: человеку надо иметь сердце, сострадающее всякой твари. Излишни комментарии насчет того, что «любители природы и животных» к людям духовным не относятся. Они берегут природу, но одновременно пренебрегают Творцом. Порой они ведут себя даже вызывающе, проявляя чрезмерную заботу о животных и расходуя на них огромные средства, но при этом оставаясь безучастными к бедности и обездоленности ближних. Они не позволяют благодати Божией осенить их и живут с закрытыми духовными очами, не умея радоваться природе подлинной и боголюбивой радостью.

Беседа со Старцем растрогала меня. Во мне произошло первое священное изменение: я чувствую необходимость уединиться, чтобы воздать славу Богу. Старец, заметив мое желание, провожает меня в маленькую комнатку отдохнуть. Он говорит, что вечернее богослужение начнется позднее обычного, потому что еще не вернулся из леса молодой монах брат Панарет, заготавливающий на зиму дрова.

В своей келье я славословлю Бога. Я счастлив. Из единственного окошка открывается вид на глубокое ущелье с рекой, извивающейся у подножия гор.

Стук била зовет на вечерню. Выйдя из кельи, я знакомлюсь с монахом Панаретом. Меня впечатляет его благолепный вид. В храме внимаю смиренному пению Старца и его послушника. Их моление горячо и именно этим ценно. Я подпеваю. После отпуска мы втроем садимся на ступени храма. Радуюсь, что беседа продолжится, хотя дневной свет уже уступил место сумраку ночи. Несколько минут длится молчание. Я не осмеливаюсь заговорить первым. Жду, чтобы Старец начал беседу. Природа на этот раз не дает нам никакого повода к беседе – вокруг не видать ни зги. И вот Старец нарушает молчание:

– Каждый вечер мой ум обращается ко Граду грядущему, о котором говорит апостол Павел: *не имамы zde пребывающаго града, но грядущаго взыскуем* (Евр. 13, 14). Жаждем Царства Небесного. И стараемся, каждый в меру сил, обеспечить себе пребывание в нем. Уже здесь, на земле, покуда мы дышим, необходимо радеть о стяжании вечной жизни. Многие дороги ведут в рай. Я не разделяю мнение, будто грядущий Град нам обеспечит лишь монашеский путь. Люди по своему призванию, в меру любви и духовности идут по наиболее близкому им пути.

– Современные христиане переживают, что не сподобятся рая из-за того, что множество обязанностей и житейских попечений препятствуют их духовной жизни. Нужно как-то их утешить. Поэтому мне бы хотелось, чтобы вы пролили свет на истинное положение вещей.

Старец подтверждает, что и вправду большинство христиан живут в волнении и тревоге, если не сказать отчаянии, относительно своего спасения. Он продолжает:

– Возьмем пример из современной жизни. В областной город из всех районов устремляются люди на заработки. Они достигают пункта назначения, следуя различными путями, проспектами, тропинками и дорожками. Один добирается на машине, другой – на лошади, третий – пешком. Подобным образом и христиане приходят различными путями в рай: хотя они и отправляются каждый из своего дома, но пункт назначения у них один. В Церкви мы видим благословенное разнообразие, и оно не должно нас удивлять. Достаточно жить со смирением и сознанием своей греховности. Ведь есть братья, имеющие склонность к миссионерской деятельности, а есть те, кто тяготеет к социальному служению; отнюдь не многие устремлены к монашеству. Большинство предпочитает суровую жизнь в миру с ее искушениями и трудностями. Иными словами, каждый идет своей дорогой, и это не мешает всем стремиться в грядущий Град. Даже внутри монашества представлены многие уклады жизни. На Святой Горе, например, есть общежительные монастыри, скиты, кельи и аскетирии⁴; все они осеняются покровом Божией Матери. Освященные и соединенные взаимной любовью, их насельники возрастают вместе, молятся вместе и поддерживают друг друга. Мы же, немощные суще-

⁴ В Греческой Церкви устройство монашеской жизни имеет несколько разновидностей. *Общежительные монастыри* (греч.: κοινώβιο) представляют собой монашеские общины, подчиняющиеся власти епархиального архиерея и владеющие каким-либо участком земли. Братия общежительного монастыря по уставу не должна иметь частную собственность и обязана во всем беспрекословно подчиняться игумену, которого монахи сами избирают. *Исихастирий* (греч.: ησυχαστήριον, что буквально означает «место безмолвия») – обычно общежительный монастырь, построенный каким-либо частным владельцем на своей земле и в силу этого имеющий почти полную независимость от власти епархиального архиерея и большую свободу в своей внутренней жизни. На Святой Горе исихастириями называют маленькие каливы с храмом или без него. *Кельями* (греч.: κελί) на Святой Горе называются отдельные дома, обычно с храмом, расположенные на земле какого-либо монастыря и являющиеся собственностью этого монастыря. Келья передается в пожизненное пользование какому-то монаху. Этот монах подчиняется игумену монастыря, которому принадлежит келья, и имеет право по его благословению собирать к себе братию, настоятелем или духовным наставником которой он пожизненно является. Старец, которому передана келья, может завещать ее одному из своих учеников, который занимает его место после его смерти. Кельи могут быть большими, и численность братии в них может достигать до 20 человек. *Каливы* (греч.: καλύβη) на Святой Горе – маленькие хижины, которые отличаются от келий тем, что в них живут обычно один или два отшельника (иногда больше) в уединении. Кельи и каливы, находящиеся в одной местности, могут объединяться в особые монашеские общины – *скиты* (греч.: σκήτη). Скиты имеют большой соборный храм, куда вся братия скита собирается в субботние, воскресные и праздничные дни. – *Примеч. из книги «Старец Паисий Святогорец. Письма»*. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2001. С. 34–35. *Аскетирион* (греч.: ἀσκητήριον) – уединенное монашеское жилище, место аскетических подвигов. – *Перев.*

ства, «совершенны» только в своих суждениях, поэтому вечно переживаем сами и заставляем переживать других.

– Ваши слова, Геронда, утешают меня. Я вспоминаю письмо, присланное мне когда-то давно одним святогорским старцем в ответ на мои тревоги и сомнения относительно супружеской жизни. Он писал мне, что «цель состоящих в браке людей – вести духовную брань, с рассуждением и любочестием, дабы вкусить хотя бы немногих Божественных сладостей. Таким образом женатые люди очищаются и достигают рая, легко ступая по извилистой дороге. А монахи взбираются на скалы и покоряют вершины и так восходят в рай». Помню, получил великое утешение от его слов. Мне тогда казалось, что брак есть нечто греховное и отрезающее дорогу в рай. Я мучился тем, что вера, словно петля, сдавливала мне шею.

Старец внимательно слушает и, когда я заканчиваю, говорит:

– Верующим нужны от нас слова утешения. Мы, священнослужители, несем огромную ответственность. Ты верно заметил, отче, и коснулся очень острой проблемы, она мучает многих церковных людей (я имею в виду брак и связанные с ним трудности). Надеюсь, мы сможем серьезно обсудить ее. А сейчас давай вернемся к теме нашего разговора.

Хорошо, если путь к грядущему Граду будет кратчайшим и прямым. Но никогда не знаешь, что случится в пути. Добивается успеха тот, кто обеспокоен своей духовной недостаточностью и через невидимую брань стремится к преуспеянию. Многие полагают, что духовная жизнь – это хранение какого-то консервативного, неизменного образа жизни. Это, конечно, основной принцип. Но человек не должен здесь останавливаться. Не прилепляться к шаблонам, но двигаться вперед, устремив глаза души к небу и взирая на красоты горних зрелищ, всю любовь предложив в стремление к тамошнему миру. Все земное ему покажется ничтожным и по большей части бессмысленным, как говорит святой Феодор Студит⁵. Путь человека станет легким, а духовное шествие – приятным. Сам же он сделается альпинистом Божиим. Трезвое рассуждение его души будет восстановлено, и он, облаченный в доспехи любви Христовой, предвкусит рай.

Глубокая ночь. Старец благословляет нас, и мы расходимся. Спать не хочется. Один в своей келье я сажусь и пишу:

«На пути в рай мне встретятся многие искушения и преграды. Дьявол постарается увлечь меня за собой, сбить на свою дорогу. Он прибегнет к разным уловкам. В этом нет сомнения, это хорошо известно. В одной книге, которая перенесла меня в давние времена, я читал об авве Макарии. Он удалился в глубь пустыни для усиленной молитвы и изучения Писания. Там ему пришлось беседовать с дьяволом, от которого он выведал о его кознях. Выглядел дьявол, которого видел авва, необычно – чудаковато и бесстыже. Он весь был увешан множеством больших и маленьких кувшинчиков, причем из каждого торчало перо. Авва спросил дьявола, зачем он таскает на себе эти кувшинчики. Лукавый не устоял перед настойчивостью аввы и раскрыл свои ловушки, которые он расставляет перед людьми, чтобы запугать их и заставить исполнять его волю. Бес объяснил:

⁵ См., напр.: *Св. Феодор Студит*. Подвижнические монахам наставления. Слово 2, § 26 // Добротолюбие в рус. пер.: В 5 т. М., 1889 (репр.: М., 2003). Т. 4. С. 72.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.